

УДК 316.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

Н. Г. Глазунов⁽¹⁾

Власть и социальная модернизация: сравнительный анализ советского и китайского опыта

В процессе развития каждое общество периодически испытывает потребность в приведении своих социально-экономических и политических институтов в соответствии с изменившейся социально-экономической конъюнктурой и потребностями населения. Этот процесс носит объективный характер и может протекать по двум основным сценариям. Первый сценарий — модернизация общества осуществляется под четким руководством власти исходя из определенных ею целей и приоритетов. Второй — потребность в социальных преобразованиях реализуется спонтанно исходя из приоритетов наиболее активных сил общества и при игнорировании позиции власти. В этом случае, как правило, социальную систему ждет деградация или гибель в ее прежнем качестве.

Целью статьи является рассмотрение функций власти в условиях социальной модернизации. В качестве эмпирического материала использован опыт преобразований в Китае и Советском Союзе 70–80-х годов XX века, отраженный в социально-экономических и политических исследованиях, официальных документах и воспоминаниях участников событий. Основным методом явился сравнительный анализ советской и китайской практики социальных преобразований.

Сохранение управляемости социальными процессами позволило китайскому руководству осуществлять планомерные структурные преобразования, не подвергая общество чрезмерному стрессу и сохраняя привычный идейно-ценностный уклад. Советский опыт был прямо противоположным. Власть в эпоху перестройки быстро утратила приоритет в определении целей и темпа преобразований и, как следствие, утратила контроль над социально-экономическими и политическими процессами в стране, что неминуемо привело к распаду Советского Союза.

Основной вывод исследования: в процессе развертывания структурных преобразований и вовлечения в данный процесс все большего количества социальных групп и институтов пропорционально должна возрастать активность власти, отстаивающей свой приоритет как главной направляющей силы социальных преобразований, определяющей очередность задач, стоящих перед обществом, и способы их решения. В противном случае высок риск не положительного изменения качества социальной системы, а ее гибели.

Ключевые слова: социальная система; социальная модернизация; власть; функции власти; социальный контроль; социальная стабильность; управляемость социальными процессами.

Для цитирования: Глазунов Н. Г. Власть и социальная модернизация: сравнительный анализ советского и китайского опыта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 3 (39). С. 18–27. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

⁽¹⁾ *Глазунов Николай Геннадьевич* — кандидат философских наук, доцент, заместитель руководителя методологического центра по комплексной реабилитации, ведущий научный сотрудник ФБМСЭ.

Федеральное бюро медико-социальной экспертизы (ФБМСЭ) Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, ул. Ивана Сусанина, д. 3, Москва, 127486, Россия.

E-mail: nickglazunov@mail.ru

UDK 316.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

Nickolay G. Glazunov⁽¹⁾

Authority and Social Modernization: Comparative Analysis of the Soviet and Chinese Experience

In the process of development, every society sometimes feels the need to bring its socio-economic and political institutions in line with the changed socio-economic situation and the needs of the population. This process is objective in nature, and can proceed according to two main scenarios. In the first one, the modernization of society is carried out under the clear leadership of the government, based on goals and priorities defined by it. In the second scenario, the need for social transformation is fulfilled spontaneously, based on the priorities of the most active forces of society without any regard for the opinion of the authorities. In that case, as a rule, a social system deteriorates or ceases to exist in its original form.

The purpose of the article is to consider the functions of power in the context of social modernization. The empirical material of the study is the experience of transformations in China and the Soviet Union in the 1970–80-s reflected in socio-economic and political studies, official documents and memoirs of the people involved. The main method is a comparative analysis of the Soviet and Chinese practices of social transformation.

Maintaining the manageability of social processes allowed the Chinese leadership to carry out systematic structural transformations without subjecting society to excessive stress, while at the same time maintaining the usual ideological and value structure. The Soviet experience was just the opposite. The government in the era of perestroika quickly lost its central role in determining the goals and pace of transformation and, as a result, lost control over the socio-economic and political processes in the country, which inevitably led to the collapse of the Soviet Union.

The main conclusion of the study: in the process of deploying structural transformations and involving an increasing number of social groups and institutions in this process, the activity of the government should increase proportionally, defending its role as the main guiding force of social transformations which determines the priority of the tasks facing society and ways to solve them. Otherwise, a positive change in the quality of the social system is less likely than its demise.

Keywords: social system; social modernization; authority; functions of power; social control; social stability; manageability of social processes.

For citation: Glazunov, N. G. (2021). *Vlast' i social'naya modernizaciya: sravnitel'nyj analiz sovetskogo i kitajskogo opy'ta* [Authority and social modernization: comparative analysis of the soviet and chinese experience]. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (39), 18–27. [in Rus.]. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.02

⁽¹⁾ *Glazunov Nikolay Gennadyevich* — PhD (Philosophy), Associate Professor, Chief Researcher, Deputy Director of the Scientific and Methodical Center.

The Federal Bureau of Medical and Social Expertise of the Ministry of Labor and Social Protection, Ivan Susanin st., 3, Moscow, 127486, Russia.

E-mail: nickglazunov@mail.ru

В процессе развития каждое общество периодически испытывает потребность в приведении своих институтов в соответствие с изменяющимися социальными потребностями. Это процесс объективный: общество должно меняться исходя из качественного изменения потребностей населения, социально-экономической и политической конъюнктуры (Штомпка, 1996).

Исторические события конца XX века продемонстрировали два принципиально различных сценария социальных преобразований — советский и китайский, — которые в первом случае привели к краху Советского Союза, а во втором — к становлению мощнейшей экономической державы мира.

Власти обеих стран, приступая к политике модернизации в Китае и перестройке в СССР, изначально находились в сходных условиях. И в Китае, и в Советском Союзе социально-экономический и политический уклады базировались на сталинской модели социализма. Анализируя преобразования Дэн Сяопина и М. С. Горбачева, представляется принципиально важным остановиться именно на роли власти в процессе данных преобразований (Шульц, 2020; Цыганков, 2016).

В обществах, вступивших в период преобразований, развитие социальной ситуации возможно по двум основным сценариям. Первый — осуществление назревших социальных преобразований под непосредственным контролем власти. Второй — стихийный или организованный социальный взрыв, спровоцированный силами, оппозиционными существующей власти (Розов, 2017).

Пожалуй, можно утверждать, что неуправляемая социальная модернизация в принципе невозможна. Только фактор управляемости позволяет сохранить целостность социальной системы и позволяет добиться положительной динамики. Сохранение управляемости социальными процессами позволяет власти выстраивать иерархию приоритетов социального развития, т. е. выполнять важнейшую для деятельности индивида и общества функцию — целеполагание, без которого невозможна эффективная деятельность.

Консенсус относительно базовых интересов и ценностей позволяет власти определить основной вектор эволюции общества и, в соответствии с поставленными целями, мобилизовывать силы и средства, необходимые для их достижения. Власть, сохранив управляемость социальными процессами, получает

возможность ранжировать проблемы, стоящие перед обществом, в зависимости от их остроты и первоочередности, что позволяет концентрироваться на ключевых проблемах общественной жизни, представляющих фундаментальную опасность. Общество, не имеющее глубинного консенсуса относительно базовых интересов и ценностей, не сможет добиться консолидированных действий и положительного результата (Тоценко, 2017b).

На наш взгляд, наиболее результативна социальная модернизация, которая не имеет четко фиксированных временных рамок и общество находится в состоянии перманентной модернизации, а не подвержено спорадическим модернизационным мероприятиям, спровоцированным сиюминутной конъюнктурой (Розов и др., 2019; Зарубина, 2019).

Успешность социальной модернизации во многом зависит от ритма ее протекания. В этой связи Б. Н. Чичерин отмечал: «Когда правительство, вместо того, чтобы вести народ путем постепенных улучшений останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстывать потерянное время» (Чичерин, 2000, с. 509).

Справедливость характеристики Б. Н. Чичерина подтверждается многочисленными историческими фактами. Например, скачкообразная модернизация в России, неоднократно инициировавшаяся и прерывавшаяся государством начиная с Петра I и заканчивая Николаем II, вылилась в ярко выраженный конфликт между обществом и государством, между целями и ценностями, которые отстаивало государство, и видением перспектив общественного развития наиболее социально активными силами российского общества, в первую очередь интеллигенцией. Под знаком противостояния, а временами и открытого конфликта государства и интеллигенции, протекало развитие российской социальной системы вплоть до революции 1917 года (Гринин, 2017).

Как видим, неспособность власти обеспечить постепенную и последовательную модернизацию социальной системы привела в конечном итоге к потере управляемости социальными процессами и краху традиционного российского общества (Миронов, 2018).

В Советском Союзе в начале 90-х годов XX века доминировала либеральная доктрина, которая функцию регулирования экономических процессов отводила рыночным механизмам. Власть в Советском Союзе самоустранилась от выполнения одной из важнейших функций — контролирующей. Последовавшие события наглядно продемонстрировали, что возможности саморегулирования рыночной экономики были преувеличены (Горшков, 2018; Анисимов, 2016).

Один из крупнейших российских исследователей новейшей истории Китая Л. П. Делюсин, анализируя внутреннюю политику стран с переходной экономикой, писал: «Возлагать... надежды на рыночную экономику, на “невидимую руку” Адама Смита — это опасная иллюзия, поддаться которой означает обречь себя на массу бед, ибо без руководства и контроля со стороны сильной власти рыночная экономика становится источником различных зол» (Делюсин, 2001, с. 236). Так, власть в СССР, дистанцировавшись на рубеже 80–90-х годов

от регулирования социально-экономических процессов, вскоре вовсе лишилась эффективных рычагов влияния на процессы, происходившие в обществе.

В схожей обстановке Дэн Сяопин изначально декларировал: «Чтобы реформы осуществлялись успешно, необходимо руководить ими и проводить их упорядоченно. Иначе возникнет хаос...» (Дэн Сяопин, 2002, с. 369). Китайское руководство не допускало мысли, что над процессом социальных преобразований не будет установлен самый жесткий контроль.

Исследователь китайских экономических реформ В. Я. Портяков констатировал, что в Китае ориентированы на «...достаточно длительное сосуществование двух гетерогенных хозяйственных систем: демонтируемой планово-распределительной и нарождающейся рыночной... *дозированное увеличение* (выделено нами. — Н. Г.) роли рынка и параллельным свертыванием сегмента экономики, регулируемого... директивным планом...» (Портяков, 2002, с. 6). В данной характеристике четко прослеживается, что глубинные структурные изменения в китайской экономике (а трансформация плановой экономики в рыночную — это, без преувеличения, тектоническое изменение) осуществляются при сохранении в этом процессе первенствующей роли власти, которая *демонтирует, дозирует и направляет* протекающие процессы, одним словом, сохраняет *абсолютный контроль* над социально-экономической ситуацией в стране.

В другом своем заявлении Дэн Сяопин еще четче высказал мысль о приоритетности для власти функции контроля в процессе социальных преобразований. «Мы взяли себе за принцип действовать смело и в то же время двигаться вперед умеренным шагом. Действовать смело — значит твердо и неуклонно вести реформу, а двигаться вперед умеренным шагом — значит как можно быстрее исправлять обнаруженные промахи» (Дэн Сяопин, 2002, с. 274).

Важность контролирующей функции особенно остро проявилась в 1989 году, в ходе студенческих волнений, вспыхнувших в Пекине и других крупных городах Китая. Тяньаньмэньские события сопровождались фактически выдвиганием *альтернативной* программы форсированных реформ, по содержанию схожих с советской перестройкой.

Перед Китаем маячила реальная перспектива дезинтеграции по советскому образцу, погружения в хаос и межнациональные конфликты, которые в латентном состоянии присутствуют в Китае многие десятилетия, особенно на национальных окраинах. Как руководитель страны, Дэн Сяопин не мог допустить такой сценарий развития событий, ибо понимал: отказ от декларированного социалистического пути развития, отказ от власти КПК — центрального элемента системы управления страной — гарантированно ввергнут страну в хаос, а возможно, и в полномасштабную гражданскую войну. В сложившихся условиях властью был сделан тяжелый, но социально ответственный выбор — она отстояла свой приоритет в определении направления развития страны, в выборе конкретных мероприятий и темпа проведения социальной модернизации при сохранении полного контроля над этим процессом (Филиппов, 2017).

Руководство Китая, с одной стороны, пыталось отойти от маоистской экономической модели, которая абсолютно не соответствовала нуждам страны с миллиардным населением. С другой стороны, радикальный отказ от государственного патернализма, лишенный какого-либо амортизационного механизма, мог направить развитие социальной ситуации по совершенно бесконтрольному сценарию развития событий. Промежуточный выход был найден в обращении к семейному подряду, что в стране с преимущественно крестьянским населением и сильными патриархальными традициями явилось замещением тотальной патерналистской практики, от которой постепенно отходило государство. Таким образом, даже сущностно меняя социально-экономический уклад, китайское государство не устранилось от контроля над социальной ситуацией, придав ему другую форму и переложив его с государственных органов на членов хозяйственных структур в форме семейного подряда.

Анализируя роль власти в процессе модернизации общества, мы должны выделить те факторы, которые обеспечат реализацию модернизационных мероприятий и на которые власть должна обращать внимание как на своеобразный залог успеха.

В процессе проведения социальной модернизации одним из условий ее успешности является сохранение общественной стабильности. Если преобразования происходят в обществе, не имеющем устойчивых демократических традиций (как это было в Китае и СССР в 80-х годах), то особая ответственность падает на правящую партию, которая ради успеха инициированных преобразований должна отстаивать свою доминирующую роль в общественной жизни, а также право и возможность определять стратегические цели социальной модернизации и располагать достаточным властным ресурсом для мобилизации общества на их достижение. Стабильность, отмечал Дэн Сяопин, является ключом к реформам, ибо без управляемости модернизационными процессами невозможно добиться каких-либо положительных результатов (Скочпол, 2017).

Дэн Сяопин, а за ним и последующие поколения китайских руководителей, отвергли возможность установления в Китае многопартийной системы. Эпоха экономических реформ уже является фактором, провоцирующим социальную напряженность, поэтому руководство Китая не стало усложнять ситуацию одновременным проведением и экономических, и политических реформ. Опыт усиливающихся энтропийных процессов в Советском Союзе заставлял китайское руководство крайне сдержанно относиться к попыткам внедрить западные модели в политическую практику Китая. Исходя из возможностей китайской социально-экономической системы и учитывая негативный опыт СССР, Дэн Сяопин предельно жестко сформулировал свою позицию относительно перспектив политических изменений: «Если мы начали бы болтать о некоей абстрактной демократии, то открыли бы путь расцвету экстремизма, анархии, полностью сломали бы политическую атмосферу спокойствия и единства,

обрекли бы на неудачу четыре модернизации... Китай был бы ввергнут в хаос, разброд, упадок, мрак» (Чжан Шухуа, 1993, с. 35–36). Учитывая, какую колоссальную дезорганизацию внесла, например, в советское общество тотальная критика ленинизма и важнейших составляющих советской идеологии, Дэн Сяопин допускал лишь выборочную критику Мао Цзэдуна, понимая, что критика маоизма неизбежно ударит по авторитету КПК и поставит под сомнение ее легитимность как ведущей политической силы страны (Гринин и др., 2016).

В этом отношении показателен опыт Советского Союза эпохи перестройки. Демократизация вызвала к жизни новые социальные силы, активизировала идеи, альтернативные официальным идеям и ценностям, в результате чего были крайне затруднены целеполагание и сама возможность скоординированных действий, так как некогда общепризнанный центр, формирующий для общества цели и задачи развития — КПСС — утратила свои монопольные позиции в политической сфере.

Вся государственная система Советского Союза базировалась на неразрывном единстве партии и советов различного уровня. Недооценив роль партии в системе государственного управления, Горбачев, после запрета компартии на фоне августовского путча 1991 года, лишился каких-либо рычагов влияния на социально-политические и экономические процессы в стране (Манн, 2018; Тощенко, 2017а).

Приступая к структурным реформам, власти необходимо сделать принципиальный выбор относительно стратегии преобразований, которую можно условно обозначить либо как «советскую» (приоритетна трансформация политической системы), либо как «китайскую» (приоритетно реформирование экономической системы).

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Социальная модернизация, являясь ответом на объективные потребности социальной системы, как правило, инициируется властью. Вместе с тем власти не всегда удается сохранить свой приоритет в процессе определения основного вектора модернизации и сохранить управляемость этим процессом. Чтобы избежать потери управляемости, власти, в первую очередь необходимо сохранить общественную стабильность.

Оценивая роль государства как инициатора и координатора модернизационных мероприятий, можно сформулировать следующий методологический принцип: по мере того как все большее количество социальных институтов будут втягиваться в практику модернизации и социальными изменениями будут затрагиваться все большее социальных групп, активность власти должна пропорционально возрастать. Если общество вступило в стадию социальных преобразований, то ради их результативности должен четко соблюдаться следующий принцип: последовательное проведение модернизационных мероприятий и первичность экономических преобразований. Политическая реформа должна быть завершающим этапом социальной модернизации.

Литература

- Гринин Л. Е. Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 138–155. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.10
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2016. 384 с.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Пастухова. М.: Весь мир, 2018. 384 с.
- Делюсин Л. П. Китай: полвека — две эпохи. М.: ИВ РАН, 2001. 293 с.
- Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой: статьи и выступления. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. 527 с.
- Зарубина Н. Н., Носкова А. В. Образы России: размышляя об эпохах перемен // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 173–183. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.13
- Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011. М.: Дело; РАНХиГС, 2018. 672 с.
- Миронов Б. Н. Модернизация России в XVIII–XX вв. как конвергенционный проект // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 91–103. DOI: 10.7868/S0132162518060089
- Портяков В. Я. Экономические реформы в Китае (1979–1999 гг.). М.: ИДВ РАН, 2002. 177 с.
- Розов Н. С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.07
- Розов Н. С. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации / Н. С. Розов, Ю. А. Пустовойт, С. И. Филиппов и др. М.: URSS, 2019. 408 с.
- Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 552 с.
- Тощенко Ж. Т. (а) 1917: время превращения идей в материальную силу // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 36–43. DOI: 10.7868/S013216251710004X
- Тощенко Ж. Т. (б) Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07
- Филиппов С. И. Условия революционности элит: макроисторический анализ // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме / под ред. И. Т. Касавина, А. М. Фейгельмана. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 319–321.
- Цыганков В. В. Типы революционных волн (на материале истории раннего Модерна) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Л. М. Исаева, К. В. Мещериной. Волгоград: Учитель, 2016. С. 263–281.
- Чжан Шухуа. Политические реформы в России и Китае в условиях перехода к рыночной экономике (сравнительный анализ): дис. ... канд. полит. наук. М., 1993. 164 с.

- Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 693 с.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- Шульц Э. Э. Теория революции. Революции и современные цивилизации. М.: Ленанд; URSS, 2020. 400 с.

References

- Grinin, L. E. (2017). Russkaya revolyuciya i lovushki modernizacii [Russian Revolution and Modernization Traps]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Policy Studies]*, 4, 138–155. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.10
- Grinin, L. E., Isaev, L. M., & Korotaev, A. V. (2016). *Revolycii i nestabil`nost` na Blizhnem Vostoke [Revolutions and instability in the Middle East]*. Moscow: Uchitel`. 384 p. [in Rus.].
- Gorshkov, M. K., & Pastuhov, V. V. (Eds) (2018). *Dvadeczat` pyat` let social`ny`x transformacij v ocenax i suzhdeniyax rossiyan: opy`t sociologicheskogo analiza [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: experience in sociological analysis]*. Moscow: Ves` mir. 384 p. [in Rus.].
- Delyusin, L. P. (2001). *Kitaj: polveka — dve e`poxi [China: half a century — two eras]*. M.: IV RAN. 293 p. [in Rus.].
- De`n Syaopin. (2002). *Stroitel`stvo socializma s kitajskoj specifikoj: stat`i i vy`stupleniya [Building socialism with Chinese specifics: articles and speeches]*. Moscow: Obshhestvo druzhby` i sotrudnichestva s zarubezhny`mi stranami. 527 p. [in Rus.].
- Zarubina, N. N., Noskova, A. V. (2019). Obrazy` Rossii: razmy`shlyaya ob e`poxax peremen [Images of Russia: reflecting on the epochs of change]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Policy Studies]*, 2, 173–183. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.13
- Mann, M. (2018). *Istochniki social`noj vlasti: v 4 t. T. 4. Globalizacii, 1945–2011 [Sources of social power: in 4 volumes. Vol. 4: Globalization, 1945–2011]*. Moscow: Delo; RANHiGS. 672 p. [in Rus.].
- Mironov, B. N. (2018). Modernizaciya Rossii v XVIII–XX vv. kak konvergencionny`j proekt [Modernization of Russia in the XVIII–XX centuries as a convergence project]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 6, 91–103. [in Rus.]. DOI: 10.7868/S0132162518060089
- Portyakov, V. Ya. (2002). *E`konomicheskie reformy` v Kitae (1979–1999 gg.) [Economic reforms in China (1979–1999)]*. Moscow: IDV RAN. 177 p. [in Rus.].
- Rozov, N. S. (2017). Krizis i revolyuciya: polya vzaimodejstviya, strategii aktorov i traektorii konfliktnoj dinamiki [Crisis and revolution: fields of interaction, strategies of actors and trajectories of conflict dynamics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Policy Studies]*, 6, 92–108. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.07
- Rozov, N. S., Pustovojt, Yu. A., Filippov, S. I., & Cy`gankov, V. V. (2019). *Revolucionny`e volny` v ritmax global`noj modernizacii [Revolutionary waves in the rhythms of global modernization]*. Moscow: URSS. 408 p. [in Rus.].

- Skochpol, T. (2017). *Gosudarstva i social'ny'e revolyucii: sravnitel'ny'j analiz Francii, Rossii i Kitaya [States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China]*. Moscow: Izd-vo In-ta Gajdara. 552 p. [in Rus.].
- Toshchenko, Zh. T. (2017a). 1917: vremya prevrashheniya idej v material'nyu silu [1917: the time of turning ideas into material force]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 10, 36–43. [in Rus.]. DOI: 10.7868/S013216251710004X
- Toshchenko, Zh. T. (2017b). Travma obshhestva: mezhduevol'yuciej i revolyuciej (priglasenie k diskussii) [Trauma of society: between evolution and revolution (invitation to discussion)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Policy Studies]*, 1, 70–84. [in Rus.]. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.07
- Filippov, S. I. (2017). Usloviya revolyucionnosti e'lit: makroistoricheskij analiz [Conditions of revolutionary elites: macrohistoric analysis]. In: Kasavin, I. T., & Fejgel'man, A. M. (Eds). *Revolyciya i e'volyciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sociume [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society]* (p. 319–321). Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. [in Rus.].
- Cy'gankov, V. V. (2016). Tipy' revolyucionny'x voln (na materiale istorii rannego Moderna) [Types of revolutionary waves (based on the history of early Modern)]. In: Grinin, L. E., Korotaev, A. V., Isaev, L. M., & Meshcherina, K. V. (Eds). *Sistemny'j monitoring global'ny'x i regional'ny'x riskov: Ezhegodnik [System monitoring of global and regional risks: Yearbook]* (p. 263–281). Volgograd: Uchitel. [in Rus.].
- Chzhan, Shuhua (1993). Politicheskie reformy' v Rossii i Kitae v usloviyax perexoda k ry'nochnoj e'konomike (sravnitel'ny'j analiz): PhD (Political Sciences) Dissertation. Moscow. 164 p. [in Rus.].
- Chicherin, B. N. (2000). Rossiya nakanune dvadczatogo stoletiya [Russia on the eve of the twentieth century]. In: *O svobode: antologiya mirovoj liberal'noj my'sli (I polovina XX veka) [On freedom: an anthology of world liberal thought (I half of the 20th century)]*. Moscow: Progress-Tradiciya. 693 p. [in Rus.].
- Shtompka, P. (1996). *Sociologiya social'ny'x izmenenij [Sociology of social change]*. Moscow: Aspekt Press. 416 p. [in Rus.].
- Shul'cz, E'. E'. (2020). *Teoriya revolyucii. Revolyucii i sovremenny'e civilizacii [Theory of revolution. Revolutions and modern civilizations]*. Moscow: Lenand; URSS. 400 p. [in Rus.].